

Цай Сяовэнь, потянув Су Ю за собой, протиснулась в лавку, где подавали суп в глиняных горшочках. Внутри было полно народу, но, к счастью, в углу нашлась свободная скамья и половина столика. Усадив Су Ю, Цай Сяовэнь даже не взглянула на развешанные по стенам деревянные таблички с названиями блюд, а с ходу выпалила пять наименований. Две хрупкие барышни, заказывающие пять порций супа, — зрелище не самое частое. Девушка, принимавшая заказ, с удивлением окинула их взглядом, но промолчала и вскоре принесла обещанное. Пять маленьких круглых глиняных горшочков дымились, источая густой аромат. Цай Сяовэнь расставила четыре из них полукругом вокруг Су Ю, а последний пододвинула к себе.

— Старшая сестра, ты что, никогда раньше здесь не пробовала суп?

Су Ю покачала головой. Она всегда предпочитала еду, которой можно быстро наесться досыта, поэтому супы никогда не были её первым выбором.

— В этой чашке суп из морской капусты с ребрышками, здесь — лотосовый корень с ребрышками, тут — куриный суп с грибами, а это — голубиный суп. Попробуй, какой тебе больше понравится.

Все четыре супа томились на огне несколько часов, и теперь их насыщенный аромат так и манил. У Су Ю разыгрался аппетит. Она, словно цыпленок, клюющий зерна, приложила к краю каждого горшочка и сделала по глотку. Затем, поджав губы и облизав их, принялась вдумчиво смаковать послевкусие.

Цай Сяовэнь тоже отхлебнула из своей чашки и, подняв глаза, спросила:

— Вкусно?

Су Ю кивнула и, перекладывая руки, начала расставлять горшочки по порядку:

— Этот лучше того, этот еще лучше, а вот этот — самый вкусный.

— Тогда попробуй мой, с мясными котлетами. — Цай Сяовэнь пододвинула свой горшочек к Су Ю, а взамен забрала тот, что та оценила ниже всего — голубиный суп.

Су Ю взяла чашку и вдруг заметила на краю влажный отпечаток губ.

Она только что пила из него... Сердце Су Ю подпрыгнуло, а жар от выпитого супа мгновенно ударил в голову, порождая ворох смущенных мыслей: можно ли считать это косвенным... косвенным... Она отчаянно стеснялась даже подумать о том, что должно следовать за этим словом, поэтому молча повернула горшочек другой стороной и припала к тому самому месту, где остался отпечаток.

Увидев, что Су Ю доела все четыре порции, Цай Сяовэнь осталась невероятно довольна собой и позвала служанку, чтобы расплатиться. Су Ю хотела было ощутить, каково это — когда Цай Сяовэнь платит за неё, но как старшая сестра посчитала неудобным позволить младшей потратиться. Поэтому Су Ю на словах твердила, что сама заплатит, левой рукой делая вид, будто преграждает путь, а правой потянулась к кошельку, привязанному с левого бока. Разумеется, достать оттуда ни единой монетки не удалось, но Су Ю сполна удовлетворила иллюзию Цай Сяовэнь о том, что та её угощает, а остальное было уже неважно. Не говоря ни слова, она нашла извозчика, и они вместе с Цай Сяовэнь отправились к Храму Божества Земли.

Как гласит народная мудрость, у каждого ремесла свой покровитель. Торговцы молятся Гуаньгуну, плотники — Лу Баню, свахи — Старцу под Луной. Гончары и мастера керамики кормятся от глины, поэтому их покровитель — Божество Земли. А вот кровельщики Божеству Земли не поклоняются, они почитают Царя Драконов — ведь крыши протекают только в дождь, а значит, именно тогда у них появляется работа. Чей хлеб ешь, тому богу и кланяйся — это негласный закон, устоявшееся правило. Юйфэн был знаменитым центром керамики, мастеров здесь было пруд пруди, поэтому в Храме Божества Земли круглый год курились благовония. Особенно в первые дни Нового года, когда не только ремесленники, но и простые люди стремились поставить ароматическую палочку, так что очереди были делом обычным.

Впрочем, как бы ни был велик поток паломников, в этот час людей в храме почти не осталось. Как только Су Ю и Цай Сяовэнь вошли, их встретил смотритель храма.

Старик был с ними знаком, поэтому не стал напоминать о ритуалах, лишь привычно напомнил об искренности намерений. При поклоне нужно было мысленно поведать Божеству Земли свое самое заветное желание, иначе это сочтут за неуважение.

Цай Сяовэнь слышала эти слова каждый год и никогда не придавала им значения. Но сейчас она всерьез задумалась. Опустившись на колени перед статуей, она оказалась в тупике. Раньше ей не нужно было ломать голову: желание было одно — победить Су Ю, получить звание девятого ранга и квалификацию Мастера официальной керамики. Но теперь, когда она сама стала Мастером, эта причинно-следственная связь разрушилась. Так чего же она хочет на самом деле? Цай Сяовэнь слегка нахмурилась, мучительно размышляя: победить старшую сестру? Действительно ли она так сильно этого хочет? Кажется, уже не очень... Получить победу девятого ранга? Тоже вроде бы не то... Она покосилась на Су Ю, увидела её знакомый прекрасный профиль и невольно улыбнулась, подумав: видеть сестру — уже счастье, но это ведь не желание...

Цай Сяовэнь так и не нашла ответа, а Су Ю тоже пребывала в замешательстве. Она прекрасно знала, чего жаждет больше всего, но это желание было таким...

Самое заветное желание... Су Ю сжимала палочку благовоний, глядя на коленопреклоненную рядом Цай Сяовэнь, и, заметив её глуповатую улыбку, засомневалась еще больше: как об этом сказать? Стоит ли? Попросить Божество Земли научить, как сделать эту бестолковую младшую сестру свирепой, как волчица? Это, пожалуй, еще более дерзко, чем не сказать правду...

Каждая из них была погружена в свои мысли, не решаясь поклониться. Когда Таньюань, вбегая

в главный зал, встала на цыпочки, Су Ю и Цай Сяовэнь всё еще молча смотрели друг на друга. Таньюань неверно истолковала ситуацию и уже хотела было отступить, но вспомнила, зачем пришла, и, набравшись смелости, проскользнула между ними, прошептав:

— Пришел указ принцессы. Посланник ждет уже давно, велел мне найти вас и вернуть домой.

Эти слова Таньюань наконец спасли их от мучительных раздумий. Су Ю и Цай Сяовэнь мгновенно поняли, о чем просить Божество Земли. Они воскурили благовония, поклонились и в один голос загадали одно и то же:

Не просим ни богатства, ни славы, лишь молим Божество Земли даровать нам удачу на пути к официальной керамике.

Поскольку пришел указ принцессы, Цай Сяовэнь не могла больше медлить и велела Таньюань немедленно найти повозку, чтобы ехать домой. Усевшись в экипаж, она по привычке протянула руку Су Ю. Та заколебалась: всё-таки это указ принцессы, и она подумала, что лучше будет остаться в стороне. Но прежде чем она успела что-либо сказать, Цай Сяовэнь схватила её за руку и затащила в повозку.

Ехать было недалеко, и не успели они как следует протрястись по дороге, как Цай Сяовэнь уже встретила с ожидавшим их гонцом. Тот был в строгой официальной форме, и по его виду сразу было понятно, что он не из уезда Юйфэн. Он изложил суть дела: оказалось, он прибыл прямиком из столицы, чтобы передать устный указ принцессы. Услышав, что это личное распоряжение, Цай Сяовэнь тут же напряглась, вытянулась в струнку, прижав руки к швам штанов. Однако гонец говорил на таком густом хэнаньском наречии, а Цай Сяовэнь так нервничала, что не поняла ни слова. Пришлось Су Ю, привыкшей иметь дело со столичными жителями, переводить. На самом деле этот указ был не совсем словами принцессы, а скорее домыслами Павильона Официальной Керамики. Суть сводилась к тому, что Цай Сяовэнь должна в определенный срок изготовить партию керамики: чаши, блюда, чайники и чашки. Оказалось, что принцесса издала этот указ через три дня после того, как присвоила Цай Сяовэнь звание Мастера, что свидетельствовало о её любви к чайнику «Поросенок».

Переведя всё, Су Ю дернула Цай Сяовэнь за рукав и прошептала:

— Скорее принимай указ!

Цай Сяовэнь в растерянности обратилась к Су Ю:

— Как мне его принимать? Я же не умею говорить на кайфэнском наречии!

— Кто просит тебя на нем говорить? Говори как обычно, скажи: Цай Сяовэнь указ принимает!

— А, точно! — Цай Сяовэнь наконец пришла в себя и, поклонившись гонцу, произнесла: — Цай Сяовэнь указ принимает!

Су Ю поспешно пригласила гонца присесть и велела подать чай. Цай Сяовэнь, обернувшись и не увидев Таньюань, сама юркнула вниз:

— Я сама подам, я сама!

Су Ю проводила гонца к столу, а сама села рядом. Посланник, выполнив задание, расслабился и разговорился:

— Та барышня, Мастер Цай, она что, государственного языка не понимает?

Кайфэн был столицей, поэтому кайфэнский говор считался государственным.

Мастер Цай? О! Су Ю на мгновение замерла, а потом сообразила: её маленькая Цай-комашка уже дослужилась до Мастера Цай.

— Она понимает. Просто моя младшая сестра впервые принимает указ от принцессы, слишком разволновалась. Не обессудьте.

— Ничего, ничего. — Посланник оказался человеком добродушным, он вытер пот со лба и спросил: — А вы тогда кто?

— О, я старшая сестра Мастера Цай, Су Ю.

— Ого! Так вы и есть Мастер Су! — Посланник хлопнул себя по лбу, словно озаренный, и рассмеялся: — Когда я уезжал, та старуха из Павильона Официальной Керамики мне сказала: в Юйфэне есть две девицы, делающие официальную керамику. Одна — Мастер Цай, другая — Мастер Су. Так это вы и есть!

— Да-да, я Мастер Су, я Мастер Су... — Су Ю, продолжая любезничать, вытащила из кошелька слиток серебра и сунула его в руку посланника. — Праздники всё-таки, путь неблизкий, вам пришлось потрудиться. Возьмите на чай, будем надеяться на вашу поддержку в будущем.

— Это... это... — Посланник тайком взвесил серебро в руке — вес был солидный. Он сделал вид, что хочет отказаться, но тут же спрятал слиток в рукав, перестал притворяться и энергично закивал: — Ладно! Насчет принцессы не беспокойтесь.

— Вы... вы можете видеть принцессу?

Конечно, он не мог видеть принцессу, но, получив деньги, решил пустить пыль в глаза и принялся хвастаться:

— Вижу! Принцесса такая статная, загляденье!

Су Ю едва не прыснула со смеху, с трудом удержав уголки губ в легкой улыбке:

— Вот как, такая статная?

— Еще какая статная! Скажу вам по секрету: принцесса осталась очень недовольна керамикой из Исина.

— Да что вы, недовольна?

— То-то и оно! Я сам стоял рядом с покоем принцессы. — Он вошел во вкус и начал нести полную околесицу: — Принцесса взяла одно изделие, посмотрела... И вдруг — хрясь! Разлетелось вдребезги! Угадайте, что она сказала?

— И что же?

— Она сказала: передайте тем исинским черепашьям внукам, чтобы больше не смели присылать свою керамику! Пришлют — снова всё вдребезги! Мне нужна только керамика из Юйфэна! Мастера Цай из Юйфэна!

Пфф... Су Ю по-прежнему улыбалась, но внутри уже заливалась смехом: если принцесса действительно так выражается, то это и вправду загляденье!

Вскоре вернулась Цай Сяовэнь с чаем. Посланник выпил полчашки, встал и обратился к ней:

— Мастер Цай, принцесса прислала вам награду. — Он достал из-за пазухи небольшую шкатулку из красного сандалового дерева и протянул её Цай Сяовэнь.

Та обеими руками приняла подарок, открыла его и ахнула от восторга. Су Ю заглянула через плечо и не удержалась:

— Золотой поросенок!

Гончий допил чай и улыбнулся:

— Принцесса сказала, что заставляет вас работать в праздники, это тяжкий труд. Велела передать вам это. Это награда от императорского двора, многие о таком и мечтать не смеют.

Ну, я откланяюсь. Как закончите работу, приходите ко мне на постоянный двор.

Проводив посланника, Су Ю взяла золотого поросенка и, внимательно его осмотрев, восхитилась:

— Здорово! Сделано так изящно... Сяовэнь, надень его на шею.

Цай Сяовэнь ухватилась за нефритовую собачку у себя на шее и решительно отказалась:

— Нет. Я буду носить нефритовую собачку.

Услышав это, Су Ю почувствовала тепло в груди, но всё же решила немного подразнить её:

— Что хорошего в моей собачке? Это ведь подарок самой принцессы. — Сказать-то она сказала, но если бы Цай Сяовэнь действительно сменила её подарок на золотого поросенка, Су Ю, вероятно, со злости проглотила бы нефритовый кулон целиком.

— Буду носить нефритовую собачку! Такие вещи не стоит постоянно снимать и надевать. — Золотой поросенок, подаренный принцессой, в глазах Цай Сяовэнь не шел ни в какое сравнение с подарком Су Ю. А ценность вещей никогда не была для неё главным.

— Хорошо-хорошо, как хочешь. — Су Ю была счастлива, она потянулась, расправив плечи, и, потирая глаза, спросила: — Ты запомнила, через сколько дней нужно сдать работу?

— М-м, в течение десяти дней. — Цай Сяовэнь вдруг почувствовала, что выходит не на ту маленькую сцену перед храмом, а на огромный помост, и с энтузиазмом начала потирать руки.

— Тогда работай усердно, с официальной керамикой я тебе помочь не могу. А я пойду посплю.

— Хм, ленивая помело. — Цай Сяовэнь ворчала, но не завидовала Су Ю, ведь её мысли были полностью заняты керамикой. Ей не терпелось поскорее коснуться глины. — Десять дней... Завтра же пойду на обжиговую печь выбирать лучшую глину. Уходи скорее! Мне нужно подумать над формой.

Су Ю, уже выйдя за дверь, заглянула обратно:

— Если тебе очень нужна глина из моей лавки, я могу поделиться...

— Да не нужна она мне. Уходи давай...

Недавний поступок Цай Сяовэнь, отказавшейся менять нефритовый кулон, очень порадовал Су

Ю, поэтому она не стала обижаться на то, что её выставляют вон:

— Раз уж выгоняешь, напомню напоследок: первое — времени мало, второе — глину нужно просеять девять раз.

Су Ю искренне надеялась, что Цай Сяовэнь запомнит эти слова. Но та, бестолковая, была так взбудоражена первым официальным заказом, что даже не расслышала последнюю фразу. Переспрашивать не стала, а просто выпалила:

— Поняла! Обещаю, старшая сестра останется довольна! Обещаю, принцесса будет в восторге!

Получив два обещания, Су Ю с легким сердцем покинула дом Цай. На улице уже сгущались сумерки. Холодный ветер приятно освежал лицо. Она вспомнила, как мечтала, чтобы чайник «Поросенок» вызвал улыбку принцессы и чтобы её керамика попала к императорскому двору — теперь всё это шаг за шагом становилось реальностью. Лично продвинув свою Цай-комашку в ряды официальных мастеров, Су Ю была невероятно собой довольна. Она взмахнула рукой в сторону звездного неба и громко провозгласила:

— Мастер Цай, ты лучшая!

<http://bllate.org/book/18936/1855609>